Филипп Сократес

Полет Беллерофонта. Мегарская псефизма.

Сумерки на Пниксе. Часть 2.

Сумерки на Пниксе

Филипп Сократес

Полет Беллерофонта. Мегарская псефизма

«Автор»
2026

Сократес Ф.

Полет Беллерофонта. Мегарская псефизма / Ф. Сократес — «Автор», 2026 — (Сумерки на Пниксе)

«Сумерки на Пниксе» — исторический цикл о Пелопоннесской войне по мотивам книг Фукидида, Плутарха и Ксенофонта. Часть вторая- «Полет Беллерофонта. Мегарская псефизма».

© Сократес Ф., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Филипп Сократес
Полет Беллерофонта. Мегарская псефизма

Глава 1

"Для человека, что не прочь
подумать, все эти древние
истории — лишь сказки».
Еврипид, «Беллерофонт»

От Самоса мы отчалили, как только затихли зимние шторма. Путь домой был недолгим и радостным. Гоплитам на море делать нечего, и я четыре дня наслаждался свежОт Самоса мы отчалили, как только затихли зимние штормы. Путь домой был недолгим. Гоплитам в морском походе делать нечего, и я четыре дня наслаждался свежим ветром и весенним солнцем лёжа на палубе. Встречать наш флот, а кораблей в нём было почти полторы сотни, собралась, казалось, вся Аттика. Горожане заполнили улицы и пирсы Пирея. Даже облепили крыши домов. Думаю, их ожидания оправдались. В знак победы триерархи украсили борта блестящими на солнце щитами и яркими восточными тканями. Гоплиты начистили и надели свои доспехи, и яркое солнце весело играло на шлемах, слепя глаза. Когда мы заходили в Зейскую бухту, гребцы завели победный пеан, слаженно гребя всеми рядами под звонкие звуки флейт на радость Посейдону и афинянам. Я тоже пел, но чувствовал, что моя радость была не полной. Душа не могла взлететь высоко и свободно вслед за песней. Подраненная птица не может нагнать стаю.

Отец и мать встречали меня в порту в сопровождении Морона и Дромона - двух домашних рабов, принёсших целую гору выпечки. Мать плакала не таясь. Отец улыбался и громко шутил. Я отвечал улыбкой, но от моей улыбки, мне казалось, мать плакала только сильнее, да и отец вскоре перестал балагурить.

- Ты изменился, сынок, - сказал он серьёзно. - Эх, будь проклят Арес.

- Но ты жив, хвала Афине! - добавил уже беззаботно. - И значит, мы будем сегодня пировать! Заколем бычка во славу Зевса и Геры и распечатаем амфору старого критского вина!

Я улыбнулся шире. Мать и отец облегченно вздохнули. Меня повели в город и душу домашним одеялом окутал сонный покой.

Позже, когда прах павших под Самосом воинов был торжественно погребён в самом почётном месте кладбища на Керамике, Перикл произнёс речь, полную гордости за наш полис и веры в его славное будущее. Речь вызвала бурные восторженные овации афинян. Под эти овации стратег, сойдя с кафедры, пробирался сквозь толпу, а знатные нарядные афинянки надевали на него ленты и венки, чествуя, как олимпийца.

Среди них позой исполненной достоинства, выделялась Эльпиника, сестра легендарного Кимона. Эта женщина, давно утратившая молодость, но не гибкость фигуры, завораживала грацией богини. «Наверное, так выглядит Гера», - подумал я тогда, невольно любуясь ее изящными движениями, наблюдая, как она подходила к стратегу. Она не украсила Перикла цветами, а лишь обратилась к нему по- театральному громко, так, чтобы услышали многие:

- Да, Перикл, твои подвиги достойны этих венков. Ведь раньше граждане Афин гибли в войнах с варварами за свободу Эллады, теперь же гибнут при завоевании союзных эллинских городов.

Перикл был в хорошем настроении, давно знал Эльпинику и ее заносчивый характер, поэтому просто отшутился в ответ. Но, как говорят, муха попала в праздничную похлёбку.

Думаю, слова Эльпиники достигли своей цели, оставшись маленькими червоточинами сомнения в сознании афинян.

Я услышал эти слова и невольно вздрогнул, на мгновения вспомнив атаку самосцев на наш лагерь, казнь Макара и клятву на баррикадах. «Она права, эта гордая сестра Кимона, - подумал я, - эллины не должны убивать друг друга».

* * *

Странно, но мирная жизнь не принесла мне счастья, хотя, казалось, им был наполнен сам воздух Афин. Поначалу я не мог найти себе места в доме, где всюду натыкался на домашних рабов, и их тусклые взгляды. Я стал иначе воспринимать домочадцев- слуг, которых знал с детства, и это их смущало.

Я уходил за городские стены и долго бродил по окрестным холмам, взяв охотничий лук. Но опасности для лесного зверья я не представлял.

Время лечит. А я как будто болел и долго выздоравливал. Постепенно я стал забывать Самос и то, что там происходило. Вернее, научился не вспоминать. Кошмары, которые ночью терзали меня поначалу, уходили. Отец поручил мне вести хозяйство на виноградниках в Марафоне, и я погрузился в заботы, ища забвения в труде.

Я чаще стал навещать Еврипида, трагика и друга моего детства. И его дом стал моим убежищем. Там, среди свитков стихов и споров о философии, я больше чувствовал себя живым. Еврипид был умён, весел и проницателен.

Однажды, после того как я, не знаю почему, рассказал ему о том, как выл в чулане Мелисса, он сказал:

- Эвриптолем, ты прошёл через то, что рвёт струны. Но знай, твоя кифара еще не умолкла.

- Звук стал таким тихим, что я его почти не слышу, - ответил я с грустной ухмылкой.

- Потому что струны теперь настроены иначе, - заметил он серьёзно. - Это новая гармония. Ищи её, и ты ещё споёшь свою песню.

Я горько усмехнулся тогда, но запомнил его слова. И стал ждать. Ждать звона этих самых струн.

* * *

Это произошло через пять лет, на Больших Дионисиях. Новая трагедия Еврипида была освистана афинской публикой как безнравственная. В ней Федра, жена Тесея, ложно обвиняя юного пасынка царя в изнасиловании, разрывала по сюжету на себе одежды. Актёр Диоген нарушил меру и впал в непристойность, и публика этого не приняла. Еврипида, а он тогда был еще молод, впал в отчаяние после представления, а я пытался его утешить словами поддержки.

Вдруг подошла девушка лет семнадцати. Густые белокурые волосы красиво собраны в простую причёску. Глаза – голубые и бездонные. Высокая и грациозная, как Афина Лемносская. А в лице было что- то до боли знакомое.

- Еврипид, твои стихи прекрасны, - сказала она. Голос её был чистым и сильным. - Но они не для мужских грубых сердец, привыкших лишь слушать про деяния героев. Прости афинян. Но знай, для афинянок ты - сын Диониса.

Еврипид поднял глаза и улыбнулся ей.

- Спасибо тебе, незнакомка. Твои слова - лекарство на рваную рану.

- Меня зовут Хлоя, - улыбнулась девушка.

- Хлоя, - повторил Еврипид задумчиво. - Как прекрасную нимфу весны.

Она засмеялась. Сердце моё вдруг застучало чаще. И струна в моей душе пронзительно зазвенела. Девушка ушла, оставив свой смех и улыбку в моём сердце. Я смотрел ей вслед. Она шла через толпу, а белокурые волосы мелькали среди людей.

- Кто она? - спросил я Еврипида.

- Не знаю. Но если она любит мои стихи, она моя подруга, - ответил он, впервые улыбнувшись после своего провала.

- Я должен увидеть её снова, - прошептал я.

В сердце я слышал мелодичный звон. Звенела ли это струна, о которой говорил Еврипид, или стрела Эрота, о которой пишут поэты, мне было теперь не важно. Но мне хотелось слушать его вечно.

Снова я её встретил летом, в вихре праздника Великих Панафиней. Праздник того года был самым восхитительным из всех, что я видел. Ни до, ни тем более после уже не ощущалось такой искренней связи народного патриотизма и мощи родного полиса.

Последние работы над фризом Парфенона закончились. Все строительные леса, на много лет, казалось, ставшие частью храма, убрали. И по замыслу Фидия афинский акрополь раскрылся во всём своём великолепии, блистая мрамором, золотом и бронзой под ярким летним солнцем, возвышаясь над вечно суетным городом, как Олимп над Элладой.

Городские рабы покрыли улицы цветами, а деревья и статуи украсили тысячами лент. Золотые венки и панафинейские амфоры, наполненные маслом священных маслин Девы Афины, соперничали в престиже с олимпийскими, заманивая зрителей и искателей славы со всей Эллады. И улицы города заполнили нарядные толпы.

Первые три дня великолепный шатёр Одеона сотрясали овации ценителей музыкальных соревнований. Я тоже, впервые после Самоса, решился испытать судьбу, исполнив пеаны Пиндара. Гармония слов и мелодии великого поэта принесла мне четвёртое место среди певцов гимнов. Я гордился и этим, потому что певцы собрались выдающиеся. А фиванец Эдип, которому достался первый венок, должен петь на пирах Олимпа.

Затем последовали соревнования атлетов, где славная афинская школа борьбы забрала все призы. Борьбу всегда страстно любили в Аттике, ведь всем известно, что даже великий Тезей учился борьбе у кентавра Хирона и отцы приводили сыновей на песок палестры раньше, чем отправляли учиться грамоте.

Не обошлось и без человеческой жертвы. Я стоял близко и видел всё. Мальчик лет двенадцати весело бежал через поле, когда другой мальчик метнул копьё. Оно описало дугу в воздухе и вонзилось в грудь несчастному. Мальчик упал на колени, глядя на древко с удивлением. Потом его лицо исказилось, он попытался закричать, но изо рта пошла кровь. Упал на бок и затих.

Я смотрел и не мог отвести глаз. Как будто копьё вонзилось в мою грудь. Боль пронзила моё сердце. И звон затих на время, а тьма, которую он разогнал, стала выползать из уголков души.

Погибший приехал из Фессалии. Суд не мог состояться во время празднований, и по чей вине наступила смерть, долго спорили софисты и риторы на Агоре и симпосиях. Но, думаю, тому мальчику в Аиде было уже не важно. И хотя позже виновным объявили распорядителя соревнований, у мальчика, метнувшего копье, рана в душе осталась на всю его жизнь.

Соревнования продолжались. Четвёрка прекрасных лошадей под управлением Архипа принесла победу моему отцу, славу роду Алкмеонидов и сто сорок амфор священного масла в хранилища нашего дома.

На симпосии, устроенном вечером в нашем доме по поводу этой победы, Алкивиад, наш дальний родственник, ставший потом знаменитым, поднял чашу- килик.

- Хочу выпить за твоих коней, Мегакл. Воистину, эти кони достойны колесниц Посейдона и Гелиоса, - произнёс он тост, торжественно приподнявшись на ложе.

- Не знаю, как насчёт колесниц богов, но в Элладе этим лошадям нет равных, - посмеиваясь, ответил мой отец, отхлебнув вина. - Я отдал за них в Беотии по три тысячи драхм за каждого. Но разве слава, что они приносят в Афины, не стоит таких денег?

- Да, деньги огромные, - сказал Алкивиад задумчиво. - На них можно было купить целую толпу рабов и запустить какую-нибудь мастерскую. Хотя и доход от продажи священного масла будет немалым.

- Я не купец. На плату Хирону мне хватит, - ответил отец с интонацией наставника, взяв вяленый инжир со своего блюда. - Иногда деньги перестают что- либо стоить, а вот почёт и уважение граждан могут тебе помочь.

- Но кони стареют, - не унимался Алкивиад серьёзно. Он обожал споры, особенно с уже зрелыми и состоявшимися людьми вроде моего отца. - Возможно, ты ещё выведешь их на следующую Олимпиаду, но потом они потеряют резвость. Не потеряешь ли и ты тогда славу?

- Путь к славе похож на подъём по лестнице, - ответил отец тем же тоном наставника, повернувшись к Алкивиаду. - Тяжело идти вверх и легко спускаться вниз. Но если вовремя остановиться, ты можешь оставаться на своей ступени довольно долго. А мои кони дадут потомство, которое я или мой сын когда-нибудь выведем на игры.

Сказав это он посчитал, что ответил полностью и отвернулся от Алкивиада.

- Если есть деньги, то такой путь к славе, конечно, самый простой и безопасный, - тихо сказал Алкивиад с лукавой улыбкой.

- Уж не предлагаешь ли ты, Алкивиад, самим владельцам колесниц раскатывать по олимпийскому ипподрому? - заступился я за отца. - Если будет по-твоему, то скоро это прекрасное зрелище станет забыто в Элладе.

- Возможно, Эвриптолем, ты прав. Это слишком опасно. Но такие игры были бы достойны героев, а зрелище было бы достойно богов, - ответил Алкивиад.

- Да, только одного бога - Аида, - хмуро ответил отец, повернувшись опять к Алкивиаду. - Я видел много скачек, и на каждой кто-нибудь погибал или калечился. Оставим это для рабов.

Больше к этой теме в тот вечер мы не возвращались, но ведь зерно, если упадёт в хорошую почву, обязательно прорастет.

Глава 2

На седьмой день праздника состоялись игры для граждан Аттики.

Воинственные пляски Пиррихи и лихие упражнения Эвандрии, угодные Деве Воительнице, пользовались огромным успехом и среди смертных девушек. Главными участниками их были молодые новобранцы-эфебы, которым в ближайшую ночь предстояло принести присягу. И у соревнований всегда было полно зрителей из их родных и соседей. Юноши очень старались, демонстрируя удаль, а восторженные крики юных зрительниц значили для них больше, чем решение судей.

Я наблюдал за юношами, вспоминая себя эфебом. Как недавно эти выступления были для меня тоже очень важны. И с горечью осознавал, что между тем временем и нынешним - чёрный Тартар.

К вечеру эфебы, соревнуясь в факельной эстафете, пронесли огонь, зажжённый у алтаря Прометея в Академии через весь город до Акрополя. С этого момента, как положено со времён первого царя Афин - Эрихтония, молодёжь, съехавшаяся со всей Аттики и её колоний, пошла по улицам города.

Стайки юношей и девушек танцевали и соревновались в пении. Я шёл с парнями из нашей филы. Музы не обидели нашу компанию, и мы слаженно пели, радуя богов и слушателей. В какой- то момент, я увлёкся песней, так, что даже товарищи притихли, и мой голос один зазвучал над улицей, завораживая гуляющих. Вдруг ему ответил другой - девичий, чистый и нежный, и по дикому сильный.

Песня закончилась. Все вокруг молчали в восторге, ожидая продолжения. Я ответил девушке новой песней, она подхватила. Так мы спевались, казалось, целую вечность под ночным небом. Я разглядел певунью, и замер. Это была Хлоя, та девушка, что поддержала Еврипида. Я подошёл к ней ближе и, не прерывая песню, взглянул в её голубые глаза. Она не отвела их. Она пела, глядя мне в глаза, и в этом взгляде не было стыдливости благовоспитанной афинской девушки. Был интерес. И вызов, дикий и необузданный.

Нас прервали овации, которыми толпа приветствовала строй марширующих эфебов. Юноши в доспехах направлялись в святилище Аглавры, чтобы принести гражданскую клятву Афинам. Этот строй отодвинул нас по разные стороны улицы, и вскоре она растворилась в толпе, оставив в моём сердце томную тоску.

На следующее утро, когда ночные танцы и песни плавно перетекли на акрополь, влившись в торжественное шествие всех горожан, я, к своей радости, увидел при свете дня Хлою. Она гордо шла рядом со старой Эльпиникой, на почётном месте процессии, среди нарядно одетых благородных афинянок. В руках женщин были священные корзины с дарами, предназначенными для храма Эрихтейона.

Девушка казалась молодой копией Эльпиники. Обладая теми же тонкими и правильными чертами, достойными стать образцом для скульптора, она была молода, и кожа её сияла свежестью, а вьющиеся белокурые волосы оттеняли седину Эльпиники. Сходство и контраст спутниц завораживали, и многие зрители шествия без стеснения пялились на них. Это льстило женщинам, и ответная любезная улыбка не сходила с их уст.

Когда же и мой взгляд встретился со взглядом ночной певуньи, губы её дрогнули, а глаза засветились радостью, которую невозможно было спрятать или просто приписать торжеству. Звон в сердце, казалось, в тот момент заглушил все звуки вокруг, но это был не шум Ареса, как на Самосе, от которого душа сжимается в комок. А этого звона душа взлетала вверх. И я застыл в шумной толпе полностью отдавшись этому чувству.

А между тем праздник набирал силу. И уже покатился по улицам панафинейский корабль с новым пеплосом- покрывалом для Афины вместо паруса, и погнали стадо в сто голов в жертву

богине. Весь город полз на холм акрополя огромной змеёй под уже палящим летним солнцем, ликуя и прославляя покровительницу города.

Не знали мы тогда, что нас ждёт впереди, да и не поверили бы никакому предсказателю, если бы он рассказал. А ведь потом на агоре судачили, что переехала праздничная повозка ползущую по улице домашнюю змею, невесть откуда взявшуюся. И это было очень плохой приметой, так как сам легендарный царь Эрихтоний, был связан со змеями. Но процессию нельзя было ни остановить, ни развернуть. Дары были доставлены, великая жертва принесена, и сотня бычьих туш была разделана и передана на праздничное пиршество, с которого никто не должен был уйти голодным.

Среди гуляющей толпы, ожидающей пиршества, я искал её. Искал долго, бесстыдно разглядывая нарядных женщин. И, наконец, я увидел её снова. Она стояла в тени платана, одна, глядя куда- то вдаль, чуть улыбаясь.

Я подошёл к ней, и на миг мне показалось, что весь шум праздника стих.

- Хайре, - сказала она первой. Даже в этом простом приветствии звучал вызов.

- Хайре, - ответил я, стараясь унять биение сердца. Мы стояли, глядя друг на друга, и не зная, что говорить дальше.

- Ты поёшь, как Орфей, - сказала она, наконец.

- Ты тоже, —ответил я и смутился от своей глупости.

Она засмеялась.

- Где ты научилась так петь? - продолжил я после небольшой паузы.

- Моим учителем был горный ветер, - ответила она, опять засмеявшись. - И моя мать, что пела на чужом здесь языке.

- А откуда твоя мать?

- Из Фракии.

Она отвернулась и посмотрела на толпу. Мы помолчали.

- Меня зовут Эвриптолем, - сказал я. - Из рода Алкмеонидов.

- А меня - Хлоя. Из рода Филаидов, - ответила она серьёзно, слегка нахмурившись.

- Наша родня не любят друг друга. - Она испытующе смотрела мне в глаза. - Но я не знаю, пока, почему должна плохо относиться к тебе.

Мы снова замолчали.

- Я люблю Сафо, - сказала она внезапно. - И Еврипида. Особенно его Алкесту. Ты видел её?

- Конечно. Еврипид - мой друг. Я часто бываю в его доме, - обрадовался я, совсем по-мальчишески, обрадовавшись смене темы.

Глаза её вспыхнули:

- Это правда?

- Правда.

- И почему ты любишь стихи Еврипида? - спросил я.

- Потому что он пишет правду о смертных людях и их чувствах, - ответила она страстно. —И о чувствах женщин тоже.

- Говорят он пишет их глубоко в пещере. Вот бы мне увидеть, как рождаются эти стихи, - прошептала она мечтательно. - Понять, откуда приходят слова, что заставляют плакать.

В этот миг вокруг нас всё завертелось. Шайка молодых повес, заводилой у которых был Алкивиад, этот лесной пан с внешностью Аполлона, завела вокруг нас хоровод и стала выкрикивать глупые шутки. Вскоре появились крепкие парни, родственники Хлои, и если бы не подоспевшие рыжие скифы - городские хранители порядка, всё наверняка закончилось бы хорошей потасовкой.

Товарищи Алкивиада смешались с толпой, а родственники увели Хлою. Я мечтательно смотрел ей вслед, а вскоре подошли Алкивиад и Критий. Мы не виделись с Критем с Самоса.

Вернее, виделись - на агоре, на Пниксе, на праздниках. Но не говорили. Не по уговору - просто не хотели.

- Эвриптолем, - сказал Алкивиад, - ты похож на мальчишку, которой только что объелся сладким виноградом. Что случилось?

- Ничего. Я просто смотрел.

- Мы видели, на кого ты смотрел, - произнёс Критий, дружелюбно ухмыляясь куда- то в сторону. - Девица из рода Филаидов. Занятный выбор для Алкмеонида.

Я повернулся к нему:

- Ты знаешь её?

- Я знаю всех, кто стоит внимания в этом городе, - ответил Критий, в своей чуть ленивой манере. - Племянница Эльпиники. Дочь Кимона от фракийской царицы.

- И живёт в доме людей, - добавил Алкивиад, - которые считают твой род проклятым со времён Килона. - Он посмотрел на меня с весёлым сочувствием. - О, Эрот коварен.

- Килонов грех - старая история, - сказал я.

- Старая? - Критий наконец повернулся ко мне. Взгляды наши встретились - первый раз за долгое время, и между нами не было симпатии. Может он и не изменился, но изменился я.

Критий продолжил:

- Фукидид вернулся из изгнания два года назад. Для него это вчерашний день. Мильтиад победил персов при Марафоне - Алкмеониды осудили его. Кимон очищал Эгейское море от варваров и пиратов - Алкмеониды строили свою власть на Пниксе, пока он воевал. Фукидид не забыл ничего. И он вернулся не за примирением.

- Критий прав, - сказал Алкивиад, - хотя я бы добавил: Фукидид не забыл, что именно Перикл отправил его в изгнание. А Перикл - Алкмеонид по матери. Так что ты для старика – родственник врага.

Критий покачал головой.

- Фукидид выше личной мести. Он понимает главное: пока жизнью в городе управляет галдящее собрание, где голос сапожника весит столько же, сколько голос потомка героев, - у таких людей, как мы, нет будущего в собственном полисе.

Он помолчал. Оглянулся и продолжил.

- Перикл открыл этот ящик Пандоры. И теперь оттуда лезет колбасник Клеон. Нам он противен кричит, ругается, машет руками. Но толпа его любит.

Он снова стал смотреть в даль.

- Есть люди в этом городе, которые противятся этому. Те, кто понимает, что полисом должны управлять лучшие. Мы собираемся иногда. И Фукидид бывает там.

- И ты прилагаешь меня туда познакомиться с ним поближе?

- Я просто говорю, что такие места есть, - ответил Критий ровно.

- Нет. - ответил я. - Ты правильно сказал, я- Алкмеонид. Алкмеониды столетие держат этот город не потому, что у нас больше денег или древнее имя. А потому что мы всегда умели договариваться с Пниксом. Отец говорил всегда- рядом с народом неудобно, но без него - недолго.

- Красивые слова, наверное, правильные- негромко сказал Критий.- Но посмотрим, как долго они останутся правильными. Фукидид вернулся, воздух в городе уже другой. Ты это почувствуешь, Эвриптолем. Мы все это почувствуем.

Алкивиад, молчавший всё это время, что само по себе было удивительно, вдруг сказал задумчиво:

- Да, Критий, ты прав. Времена меняются.

И усмехнулся своей обычной усмешкой, за которую его так все любили.

- Что будешь делать с девушкой?

- Не знаю ещё...Для начала, познакомлюсь с Фукидидом.

Алкивиад захохотал, и хлопнул меня по плечу.

- О, Еврипид напишет об этом трагедию.

- Или, наконец, комедию, - тихо сказал Критий, улыбнувшись первый раз за встречу.

Я разозлился на обоих.

- Идите в Тартар. А я пойду прямо сейчас к Фукидиду. Чтобы не говорил Критий, Филаиды и Алкемеониды часто смешивают кровь. Так что шансы у меня есть, пока он совсем не разругался с Периклом.

Алкивиад и Критий захохотали, а я пошёл к праздничному столу, искать Филаидов.

Шёл я не быстро, слыша издевательский хохот за спиной. За десять шагов я успел подумать о том, что Фукидид встретит меня в лучшем случае холодно, что сыновья его здоровее меня. И что всё это плохо, но не имеет ровно никакого значения. Ведь на кон поставлено мое счастье и Эрот шепнет за меня словечко богиням судьбы Мойрам.

Так, ведомый сыном Афродиты, я нашел столы, занятые родом Филаидов.

Фукидид, сидевший на почётном месте, был высоким седым стариком с пронзительными умными глазами. Рядом с ним сидели два его сына - Мелесий и Стефан. Они были моими ровесниками. Оба знаменитые борцы. Именно они затеяли свору с шайкой Алкивиада. Встретили меня очень недружелюбными взглядами. Фукидиду шепнули моё имя, от чего бровь его поднялась вверх.

- Хайре, граждане, - сказал я твёрдо. - Да сохранит Афина наш великий город, даст счастья и благополучия его жителям. Вам же я желаю радости и веселья на этом великолепном празднике. Я пришёл принести свои извинения за то недоразумение, что произошло недавно.

- И ты возрадуйся, Алкмеонид, - сказал Фукидид. - Присаживайся и раздели с нами праздничную трапезу. Мне рассказали о случившемся. Но об этом даже говорить не стоит. Алкивиад - известный прохвост. Что поделать, так его воспитал Перикл.

Я присел за общий стол на освобождённое для меня место напротив Фукидида.

- Пусть Афина даст нам мудрости и сил для процветания нашего города, а богиня мира Эйрена сохранит наше благополучие, - поднял я поднесённый килик.

- Странно слышать об Эйрене от Алкмеонида, - с издёвкой произнёс Мелесий, старший сын Фукидида.

Фукидид с упрёком посмотрел на него.

- Я слышал, что ты побывал на Самосской войне, Эвриптолем. А как ты считаешь, за правое ли дело ты сражался? - спросил Фукидид.

Я вздрогнул, но взял себя в руки.

- Дело воина сражаться, а не рассуждать о причинах войны. Я не поклонник Ареса, но готов ещё сражаться за родину, если понадобится. – ответил я и ему, как можно спокойнее, хотя его вопрос меня задел. Это не укрылось от пронзительного взгляда Фукидида.

- Скажи, Эвриптолем, а что ты ищешь среди Филаидов? - продолжил расспросы Фукидид. - Может быть, тебя послал Перикл? Или, может, наоборот, тебе надоела его беззаконная власть?

- Ни то и ни другое, Фукидид, - ответил я. - Я уже сказал, что ищу примирения.

- А может тебя привела сюда Афродита? – неожиданно, сказала веселым голосом Эльпиника, сидевшая чуть дальше за столом.

Повисла пауза. И мне кажется, я покраснел, как мальчишка.

Первым засмеялся Фукидид. За ним - все остальные. Хохот Филаидов заглушил все звуки вокруг. Сидящие за столом, вдруг, посмотрели в сторонуХлои, отчего та встала из- за стола и гордой походкой ушла в тень стоявшего рядом дерева.

- Его привёл сюда похотливый Потос, - хохотал ей вслед младший сын Фукидида, Стефан. - Ты перепутал, сходи в Пирей, там тебя утешат. Женщины Филаидов - благочестивые аристократки и не путаются с вожаками голодранцев.

- Уходи, иначе я постараюсь, чтобы Афродита тебя больше не беспокоила, - хохотал Мелесий.

- Немного чести нападать большинством на одного, - ответил я им. - А ещё говорят, что Филаиды - род героев. Я вижу здесь только пьяных селян, нападающих на случайного путника.

- Да я сейчас вырву твой наглый язык, Алкмеонид! - недобро зашипел на меня Мелесий.

И Стефан привстал из- за стола. Запахло жареным. Кулаки мои сжались.

- Довольно! Хватит ругаться, как безродные феты, тем более на великом празднике, - властно осадил сыновей Фукидид. - Достойные мужи решают споры на войне или на атлетических состязаниях.

Он повернулся ко мне, испытующе глядя в глаза. Подумал немного и сказал:

- Эвриптолем, через год будут игры Зевса в Олимпии. Мы тоже будем там. Принеси оттуда венок и тогда сватайся к нашим девушкам. Мы всегда рады героям в роду. А иначе, держись от них подальше со своим грехом, полученным по наследству.

Килонов грех - считался проклятием нашего рода. Нашими недругами. Но верёвка, которую привязали к статуе Афины и за которую держались заговорщики, сама развязалась, а значит, богиня отказала им в защите. Кровь моя кипела. Они задели не только мою честь, но и честь Алкмеонидов,

- Хорошо, я буду там, - ответил я твёрдо. - И если богиня удачи Тюхе будет благосклонна, получу венок.

- Он выставит четвёрку скакунов своего отца - Мегакла! - громко сказал Стефан. - Ту четвёрку, что пришла первой на недавних играх. Победа может достаться тебе слишком легко, Алкмеонид. Мы будем заливать песок палестры своим потом, а тебе даже не обязательно выходить из тени, чтобы победить.

В моих висках стучала кровь. Гнев рвался наружу.

Я вспомнил недавний спор Алкивиада с отцом.

- А что вы скажете, если я сам буду управлять лошадьми? - ответил я, с вызовом глядя в глаза Фукидида.

Слова вырвались раньше, чем я успел подумать.

Наступила тишина. Мужчины переглянулись с удивлением.

- Видимо, Потос совсем смутил твой разум, - усмехнулся Стефан. - Какой человек по своей воле пойдёт на это безумие? Это настолько опасно, что ты будешь соревноваться с рабами.

Он сделал паузу и добавил с издёвкой:

- Хотя... Эвриптолем, а правда то, что ты побывал в рабстве?

Слова эти ударили, как палка надсмотрщика Тетерева. Я повёл взглядом в стороны, ища поддержки. И нашёл. Я увидел Хлою, наблюдавшую за всем из тени дерева. Вздохнув, я взял себя в руки.

- Да, правда, - сказал я громко, так чтобы все услышали. - Так Мойры сплели узор моей судьбы. Но они же дали мне снова свободу. Я не стыжусь этого, ведь даже Дионис и Геракл побывали в рабстве.

Я встал, выпрямился и опять посмотрел на Фукидида:

- Я сам поведу колесницу. И принесу венок.

Все смотрели на меня. Сыновья Фукидида - с удивлением и с ухмылкой недоверия. Фукидид - изучающе.

- Достойный ответ, - сказал он наконец медленно. - Ну что ж, Эвриптолем, если ты принесёшь в Афины венок из священных ветвей оливы, ты будешь желанным сватом в нашем доме. А пока иди с миром и продолжи праздник за столом Алкмеонидов. И даже не думай подходить к нашему дому. Спущу на тебя собак, как на вора.

Он отвернулся, показав всем своим видом, что разговор окончен.

Я посмотрел в сторону дерева, где стояла Хлоя. Она кивнула в ответ.

Праздник продолжался. Люди смеялись, пели, танцевали.

А я шёл среди этого ликования и думал: опять сказал то, за что могу расплатиться жизнью. Но я не чувствовал страха. И впервые за годы после Самоса я почувствовал себя живым.

Глава 3

Отец с глубоким вздохом сожаления и глазами, полными гордости за сына, продал мне свою знаменитую четвёрку скакунов за пять оболов - по оболу за коня и ещё обол за колесницу. Тут же он стал главным организатором моего участия в предстоящих играх Зевса в Олимпии. Лошадей он любил всем сердцем и погрузился в хлопоты с головой. Вот только того, что я сам поведу колесницу, он не знал.

В нашем родовом поместье всегда были скаковые лошади. Я с детства был знаком с ними, был всадником и управлял колесницей с парой лошадей, подобной тем, на которых сражались герои Илиады. Но это была четвёрка. И управлять такой упряжкой дано не каждому.

Архип, раб-фракиец отца и лучший возница Эллады, поначалу и слышать не хотел о моём участии. Помню этот разговор.

- Архип, я должен вести эту четвёрку, - сказал я ему твёрдо. - Я дал слово. И теперь от этого зависит моя честь... и жизнь.

- Эвриптолем, что ты говоришь? - Он посмотрел на меня с недоумением. - Если Гермес будет милостив, я принесу тебе олимпийский венок и прославлю на всю Элладу, как твоего отца. Никто из владельцев не ведёт свои упряжки, их жизнь слишком ценна.

- Архип, я именно тот владелец, что сам поведёт четвёрку. А иначе ни моя честь, ни жизнь ничего не будут стоить.

- Да... - Он помолчал. - Я слышал про твой спор с Филаидами, но считал, что это лишь сплетни рабынь про любовные истории хозяев. Одумайся, Эвриптолем, это очень опасно. Каждый год на скачках по всей Элладе гибнут десятки возниц. Не всем это дано. Попробуй себя в другом. Ведь ты поёшь, как Орфей.

- Нет, Архип. Поможешь ты мне или нет, я буду участвовать. Но знай, если ты будешь меня тренировать, я подарю тебе свободу, когда стану твоим хозяином.

Он вздрогнул. Отвернулся, поджав губы. Потом, повернувшись ко мне, произнёс сурово:

- Эвриптолем, твой отец продаст меня в Лаврийские рудники. Это если ты выживешь. Но, скорее всего, ты погибнешь, а хозяин привяжет меня за ноги к хвосту одного из жеребцов. А то, что ты погибнешь, ясно как то, что зимой выпадет снег.

Я начал тренироваться один. Не очень успешно, стыдно вспоминать мои потуги. Лошади не слушались, четвёрка разваливалась на поворотах, а я едва удерживался в корзине колесницы. Каждый вечер, падая на спальное ложе, я думал: это безумие. Это чистое безумие. Но на следующий день снова выгонял колесницу на ипподром.

И я наверняка погиб бы на играх, но этой зимой поля Аттики остались голыми, и снег не выпал. После сельских Дионисий Архип пришёл на мою тренировку. Он ничего не сказал, просто взял вожжи из моих рук и показал, как надо. Потом вернул их мне и молча наблюдал.

Почти полгода под его присмотром я осваивал непростое мастерство управления четвёркой. Ранним утром мы с Архипом выезжали за город на ипподром, где я до головокружения проходил повороты, приноравливаясь к горячим беотийским скакунам. Иногда Архип брал ещё одну упряжку из конюшни отца, и мы отрабатывали опасное сближение колесниц.

Однажды на повороте я выпустил левую вожжу. Четвёрка мгновенно пошла врозь. Я вылетел из корзины и лежал на земле, глядя в небо, пока лошади носились по кругу без меня. Архип с трудом остановил их и долго ругал судьбу.

Позже он научил меня падать на жёсткую землю ипподрома так, чтобы не сломать себе кости, и быстро отскакивать на обочину дороги, чтобы тебя не растоптали.

Всё остальное время после тренировок Архип призывал меня стоять на доске, установленной на круглый камень, держать перед собой на вытянутых руках небольшие гири или в

паре с ним тянуть и дёргать вожжи. Было очень тяжело. Мышцы горели, руки дрожали, но я терпел. А Архип повторял: «Тот, кто отпустит руки на скачках, - мертвец».

Я тренировался ежедневно, по много часов, и к весне мне казалось, что я стал с колесницей одним целым.

Уже летом, после одной из таких изнурительных тренировок, мастерски вписавшись в поворот и приняв скупую похвалу от Архипа, я сказал, задыхаясь:

- О, благодарю тебя, Архип! Теперь я готов соревноваться с самими богами!

Он посмотрел на меня долго и серьёзно:

- Я научил тебя лишь немного управлять четвёркой. Молю Гермеса пощадить тебя на первом круге. А там, как решат пряхи.

- Я должен победить, - весело ответил я. - Меня ведёт Афродита.

- На ипподроме правит плут Гермес, - тихо сказал Архип. - От него пощады не жди.

* * *

Я готовился к Олимпиаде, не зная, что над Элладой сгущались тучи пострашнее пыли ипподрома.

Керкира, далёкая колония Коринфа, пошла войной на свою метрополию. Керкирцы решили обратиться к Афинам за помощью, попросившись в Морской союз и обещая в залог свой огромный флот - второй по величине в Элладе. Коринф, узнав об этом, тоже прислал послов в Афины. Коринфские послы напомнили о том, что они уговорили Пелопоннесский союз не вмешиваться в Самосскую войну в очень схожей ситуации. А война с Коринфом, в случае если Афины встанут на сторону Керкиры, однозначно приведёт к нарушению мирного договора с Пелопоннесским союзом, а значит, и к войне со Спартой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.